

Прежде чем мы осознаем значение Пушкина как поэта, мы уже успеваем воспринять и запомнить его Слово. Оно совершенно естественно входит в наше не окрепшее ещё, детское сознание и начинает в нём подспудную нравственную работу, которая длится потом всю нашу жизнь.

* * *

В детстве отец часто укладывал меня спать со словами:

«Три девицы под окном пряли поздно вечерком...» А иногда отрывками из «Руслана и Людмилы» или «Сказкой о рыбаке и рыбке». С возрастом я узнала от отца почти всего Пушкина — он знал и читал его наизусть.

* * *

Божественное происхождение пушкинского гения неоспоримо. В боговдохновенном его слове нет лжи, нет ничего лукавого и неискреннего — мы нигде не найдём позы, в которую бы встал поэт, чтобы казаться лучше самого себя. Пушкин прост, как нравственный закон, исполнять который стремятся все, но исполнить не может никто.

* * *

Во всём творчестве Пушкина, даже в самых трагических местах, нет ничего тёмного и негативного, ничего того, что угнетало и разрушало бы душу читателя. Это очень здоровый, лучезарный, врачующий и оттого бесконечно притягательный гений.

* * *

Недавно в одной из телепередач один неизвестный артист издевательски искажил имя Пушкина.

Пушкин писал в набросках о русской литературе: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости; кочующие племена не имеют ни истории, ни дворянства».

Мне жаль этого артиста — он дал пощёчину самому себе!

Критик Николай Страхов писал в своё время: «Пушкин был поэт, поэт в самом высоком значении, какое может иметь это слово. Вот та точка зрения, с которой одной можно понять его и с которой, как мне кажется, объясняются все эти обиды, которых он столько перенёс при жизни и которые, как мы видим, преследуют его по смерти, — и так давно уже преследуют».

В истории мировой литературы не так много имён, подобных имени Пушкина.

Гомер, Данте, Гёте, Шекспир, Сервантес. Нападать на Пушкина — всё равно, что «комару кусать железного быка», как говорится в древнем китайском изречении, где под быком подразумевается Бог.

* * *

Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет...

Цитируя Тютчева, Иван Аксаков пишет: «Это не общее место. Это верно схваченная историческая выдающаяся черта отношений к Пушкину русского общества. В самом деле, наша связь с ним не какая-либо рассудочная, на отвлечённой оценке основанная, а сердечная, тёплая, живая связь любви до сих пор. Такой связи не было и нет у русского общества ни с одним поэтом».

В наши дни всякого относительно культурного человека нелепо спрашивать: «Нравится ли вам Пушкин?»

Это свет и воздух, которым мы дышим.

* * *

Появление гения или крупного таланта часто воспринимается менее одарёнными современниками почти как личное оскорбление. Отчего не вызывает такого возмущения появление жестоких мироправителей, тиранов?

Любого тирана рано или поздно можно свергнуть, а гения свергнуть нельзя!

Поэтический взгляд большого гения отличается поразительным здравомыслием и нравственной прямоотой. Однако прямоота и простота, с которыми вещает он об Истине, обычно

бывают поняты и оценены только нравственно здоровой частью ценителей, взгляды которых не искажает за стрявший в глазу осколок кривого зеркала.

Остальных же творение гиганта повергает в смятение, вызывая нечто похожее на помешательство, что свидетельствует об их духовных болезнях. Это подобно тому, как «порченных» больных, подводимых к чудотворным иконам или святым мощам, начинает сотрясать сидящий в них Бес, заставляя извергать богохульства.

* * *

Пушкин пришёл в русскую литературу в сложный период истории, следующий за переломным моментом переодевания Петром русского мужика в «европейский кафтан». Ко времени Пушкина русский человек успел переодеться, приобрести манеры среднего европейца и, более того, стал забывать родной язык. И в этот момент на фоне аморфной, безликой в смысле народности, псевдоклассической поэзии появляется Пушкин и предлагает читающей части общества сказки, подслушанные у няни Арины Родионовны! Это было настоящей революцией! Пушкин оживляет русскую поэзию, возвращая ей коренной, народный язык. Обращая читателя к кладезю народного эпоса, он возвращает ему забытую им народную культуру.

Только мощный гений Пушкина мог справиться с этой непомерно трудной задачей.

Другой, менее значительный поэт просто не был бы услышан!..

В процессе работы, возвращаясь к народному эпосу, Пушкин пришёл к выводу, что точный, рифмованный стих тесен для русской поэтической речи, и считал, что со временем он должен быть вытеснен иной, более свободной формой стиха. Кроме того, Пушкин находил, что русский язык беден рифмами, когда, «из мелкой сволочи вербуя рать», принимался рифмовать глагол с глаголом. Этот вывод был продиктован Пушкину насущной необходимостью. Слишком переполняла поэта стихия поэтической речи, питаемая ключами народной культуры, ломавшая и сметавшая на своем пути рамки всех существующих форм.

После Пушкина многие русские поэты обращались к формам свободного стиха, но, как правило, возвращались к рифме. Удачей увенчались разве что попытки Анны Ахматовой, Блока. Единственной полностью «нерифмованной» поэтессой осталась Ксения Некрасова.

Истоки русского свободного стиха следует искать в произведениях народного эпоса — сказаниях, былинах. Следуя по этому пути, можно добиться успеха. Видимо, белый стих не прижился в России потому, что большинство наших поэтов не разглядело этого пути, указанного им Пушкиным. У наших же нынешних «новаторов», отказавшихся от классических форм стиха, не было к этому никакой необходимости. В их стихотворениях нет и намёка на поэтическую стихию. Эти произведения далеки от народности и не питаемы ничем. Возникая, как пары в воздухе, они тут же исчезают. Эти стихи лишены поэзии как таковой. В них нет поэтического звучания, чувства слова, часто нет и настоящего владения языком. Оттого здесь часто слышится то натужное кряхтение, то безголосый зловещий шёпот, то пустое гремяние словесными геометрическими фигурами. Редко кому удастся внятно выразить мысль, хотя бы и не слишком глубокую. Это всё, что угодно, только не поэтическая речь!

Если зримо представить себе древо русской литературы, можно уподобить Пушкина мощному, величественному стволу, из которого тянутся к небу могучие, кряжистые ветви.

В самом деле, «Преступление и наказание» можно понимать как разветвлённое продолжение «Пиковой дамы», а роман «Война и мир» немислим без «Капитанской дочки».

Главный смысл монументального исторического полотна — драмы «Борис Годунов» опять таки упирается в тему возмездия, и не только личного, но прежде всего возмездия исторического, свидетельствующего о том, что любое царство не может устоять на крови.

Продолжение драмы царя Бориса мне видится в гоголевской «Страшной мести», где прослеживается пушкинская мысль о наказании содеянного зла силами зла.

Сколько прекрасных, свежих ветвей появилось и появляется на древе русской литературы

благодаря Пушкину! Очевидно и то, что искусственные ветви на нём не приживаются и со временем опадают.

* * *

Принято думать, что Онегин — тип, заимствованный Пушкиным у Байрона, второй Чайльд-Гарольд и т.д. Отнюдь! Несмотря на некоторый «байронизм», тип этот Пушкин нашёл в русском светском обществе, сформировавшемся после известных Петровских реформ.

В этом обществе, полностью оторванном от народных корней, непременно должен появиться тип неприкаянного, разочарованного скитальца, не знающего, куда приложить свои силы. Сначала этот образ появляется в «Цыганах», и Алеко является как бы предтечей Онегина.

Это впервые заметил и понял Ф.М. Достоевский, который считал, что русская душа, хранящая в сердце народные святыни, Татьяна не вышла бы за Онегина, даже если бы и овдовела. Действительно, ведь она уже разочаровалась в Онегине в тот момент, когда её посетила мысль: «Уж не пародия ли он?»

В наши дни подобных «скитальцев» полным-полно, но как трудно встретить девушку, похожую на Татьяну!

«Пушкин был живой, русский, исторически чувствовавший человек...»

Мы ещё только теперь начинаем дорастать нашим сознанием до смысла всех тех откровений, которые таятся в глубинах его поэзии. И не одному только искусству указал он путь, но всей вообще русской мысли во всех ее разнообразных проявлениях, в слове и в жизни».

Так писал Иван Аксаков, и лучше, кажется, не скажешь.

* * *

Пушкин глубоко национальный поэт, так как связан общими корнями со своим народом. Но Пушкин и мировой поэт, и не только потому, что владеет поразительной способностью проникновения в другие культуры, а и потому, что обращается к мировым темам.

Откроем «Маленькие трагедии». Мировая тема возмездия звучит в «Каменном госте» на такой мистической глубине, что это небольшое по объёму произведение, пожалуй, не уступает шекспировскому «Гамлету», этой «трагедии из трагедий», над разгадкой которой тщетно бьются литературоведы и критики всех времен.

Возьмём «Скупого рыцаря» и «Моцарта и Сальери». Скупость, зависть — чувства вечные и интернациональные. Ничто так не объединяет человечество, как его пороки!

А «Пир во время чумы»? Так это просто поэма наших дней! Даже само название стало сегодня летучим афоризмом.

О большом поэте обычно говорят: «Он выразил своё время».

Это так, но самое удивительное, что Пушкин выразил и наше время, и, вероятно, то, что придёт после нас.

Такова пророческая сила его мирового гения. Только высшее предназначение гения заставляет Пушкина в состоянии напряжённого «поэтического транса» изречь полные достоинства и пророческого смысла слова:

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа...*

Это не гордыня и высокомерие, а выстрадавшая, ставшая неизбежностью истина, которая открывается в откровениях только великим поэтам и пророкам.

В остальном для гения Пушкина характерно почти полное равнодушие к своему «эго».

Пушкин трудится на благо мировой гармонии, а не ради прославления самого себя. Оттого он поэт объективный и всеобъемлющий. Если зорче взглянуть в творческое лицо Пушкина, можно прочесть в чертах его почти ангельское смирение. В его стихах слышатся ноты трагических предчувствий, но он относится к ним спокойно, не протестуя, подобно Христу, поднимающемуся на Голгофу. В Пушкине изначально был запечатлён ангельский образ, но кто сказал, что великий поэт, ниспосланный данному народу, не есть ангел этого народа?

Ирина СЕМЁНОВА